

DOI: 10.31857/S032103910010663-2

МАЛОИЗВЕСТНАЯ СТРАНИЦА В ИСТОРИИ ЕГИПТОЛОГИИ: РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ В ИНОСТРАННЫХ ЭКСПЕДИЦИЯХ В ЕГИПТЕ

В.В. Стрекаловский, А.В. Флоров и Н. Мельников

М.А. Лебедев

Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия

E-mail: maximlebedev@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1524-2083

Статья посвящена работе и судьбам нескольких эмигрантов из России, которые внесли заметный вклад в публикацию знаковых древнеегипетских памятников из Саккары, Гизы и Луксора. Бывший царский офицер В.В. Стрекаловский был одним из основных участников эпиграфического проекта в часовне визиря Мерирука, издание материалов из которой заложило новые стандарты публикации рельефов Древнего царства. Инженер А.В. Флоров проработал 9 лет у подножия пирамид Гизы, отвечая за фиксацию архитектуры в экспедиции Гарвардского университета и бостонского Музея изобразительных искусств; со временем он стал самым опытным иллюстратором в составе эпиграфического проекта Чикагского университета в Луксоре. Его коллега Н. Мельников на протяжении 6 лет был иллюстратором в Гизе. Появление белоэмигрантов в составе иностранных экспедиций в Египте — следствие не только политических событий на пространствах бывшей Российской империи, но и усложнения самой методики полевых исследований в Нильской долине в первой половине XX в., увеличившего спрос на квалифицированные технические кадры в археологии. Их вклад в изучение древнеегипетской цивилизации не должен быть забыт современными отечественными специалистами.

Ключевые слова: история египтологии, Саккара, Гиза, Карнак, Мединет Абу, русская эмиграция, археология, эпиграфика

A LITTLE-KNOWN PAGE IN THE HISTORY OF EGYPTOLOGY:
RUSSIAN EMIGRANTS IN FOREIGN MISSIONS IN EGYPT*V.W. Strekalovsky, A.V. Floroff, and N. Melnikoff*

Maksim A. Lebedev

*Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences**E-mail: maximlebedev@mail.ru*

The paper brings attention to the work and lives of a number of Russian emigrants who contributed significantly to the publication of prominent ancient Egyptian monuments at Saqqara, Giza, and Luxor being involved in the US archaeological and epigraphic projects in Egypt during the 1930s–1960s. A former officer V. V. Strekalovsky was an important member of the epigraphic project in the chapel of Mereruka, which developed new standards for the publication of Old Kingdom relief decoration. A former engineer A. V. Floroff had worked for nine years at the foot of the Giza pyramids recording architecture at the Harvard University – Boston Museum of Fine Arts mission directed by G. A. Reisner, before becoming the most experienced illustrator of the Oriental Institute (Chicago University) epigraphic project at Luxor. His colleague N. Melnikoff worked for six years as an illustrator at Giza. The author argues that the presence of White Russian emigrants in international missions in Egypt was one of the natural results of the development of the fieldwork methodology in the Nile Valley in the first half of the twentieth century. Although the fieldwork experience of Russian emigrants did not affect the development of the national school of Oriental studies, their contribution to the study of ancient Egyptian civilization should not be neglected by contemporary Russian specialists.

Keywords: history of Egyptology, Saqqara, Giza, Karnak, Medinet Habu, Russian emigration, archaeology, epigraphy

В первой половине XX в., когда в долине Нила велись беспрецедентные по своим масштабам археологические и эпиграфические исследования, в Египте оказались более 6 тыс. русских эмигрантов. Некоторых застигло в Египте начало Первой мировой войны, но большинство бежали в эту североафриканскую страну из России уже после революции. К середине 1920-х годов значительная часть наших соотечественников покинула Египет в поисках новой жизни в Европе, Америке или Австралии, и в стране на Ниле осталась лишь небольшая, но сплоченная община: в Каире ее численность оценивалась примерно в 900 человек, в Александрии – порядка 600¹. Среди них были выдающиеся египтологи, невозвращение которых нанесло существенный удар по отечественному востоковедению. Широко известно, что в Каире нашел свой второй дом основатель отечественной египтологии Владимир Семенович Голенищев, который в 1917–1947 гг. являлся профессором Каирского университета, где основал кафедру египтологии. С 1924 г. в преподавании ему помогал Владимир Михайлович Викентьев – еще один видный русский египтолог, лишившийся возможности

¹ Bellin 2019.

или не пожелавший вернуться в Москву. В.М. Викентьев работал в Каирском университете вплоть до своей смерти в 1960 г., воспитав вместе с В.С. Голенищевым не одно поколение собственно египетских археологов и египтологов². В 1940 г. в Каир из оккупированной нацистами Франции бежал Александр Николаевич Пьянков, ставший научным сотрудником Французского института восточной археологии³, где до этого уже работал В.С. Голенищев.

Немало среди русских эмигрантов в Египте было людей, которые во время жизни в России никак не были связаны с изучением нильских цивилизаций, но, оказавшись на этой древней земле, увлеклись египетской историей и оказались в той или иной степени вовлечены в научную работу. Так, с Французским институтом восточной археологии в Каире сотрудничал знаток французского языка и любитель истории Олег Васильевич Волков (1913–1987, Каир), интересовавшийся ранними путешественниками и исследователями Египта⁴. Другой пример — чета археологов Лукьяновых, которая была весьма известна в Каире⁵. Наконец, некоторые выходцы из России благодаря своим инженерным знаниям и/или художественным талантам стали участниками иностранных археологических и эпиграфических проектов. Работа в археологии была для них скорее всего не только увлекательным занятием, но и в значительной степени способом заработать на жизнь, ведь многие русские эмигранты в Египте были серьезно стеснены в средствах⁶. Их имена сегодня известны гораздо меньше, чем имена работавших вдали от Родины русских египтологов, однако трудами этих людей был сделан немалый вклад в публикацию знаковых древнеегипетских памятников. Среди таких специалистов были Всеволод Стрекаловский, Александр Флоров и Николай Мельников. Задача настоящей статьи — пролить свет на судьбы этих людей и отдать дань уважения их вкладу в развитие современных знаний о Древнем Египте.

Лучше всего задокументирована судьба Всеволода Владимировича Стрекаловского (Vsevolod Strekalovsky) (1901, Пётркув-Трыбунальский, совр. Польша — 1990, Дедем под Бостоном, США) — бывшего гардемарина, участника Гражданской войны, служившего под командованием А.И. Деникина и П.Н. Врангеля, старшего сына жандармского полковника и художника Владимира Алексеевича Стрекаловского. Самые краткие сведения о семье художников Стрекаловских можно

² Tomashevich 1998; Belyakov 2018, 101–104.

³ Daumas 1967.

⁴ См., например, Volkoff 1967; 1970; 1972.

⁵ По своему первому образованию Григорий Иванович Лукьянов (1885, Москва — 1945, Каир) был математиком и специалистом в области авиации. Однако к тридцатилетнему возрасту он решил резко изменить свою жизнь и в 1917 г. закончил Археологический институт в Москве, где ранее познакомился со своей женой — Е.С. Лукьяновой (Елагиной) (1888, Москва — 1967, Монреаль). Оказавшись в Египте, Г.И. Лукьянов претендовал на то, чтобы называться египтологом, каковым, безусловно, не являлся. Какое-то время он служил архивариусом Александрийской патриархии, но основным его занятием, судя по всему, была перепродажа египетских древностей в музейные и частные коллекции. Его супруга изучала византийское искусство. Подробнее см. Belyakov 2018, 106–107; 2019.

⁶ Belyakov 2000; 2008; 2018; Goryachkin 2010.

найти в работах, посвященных русской эмиграции⁷. К ним теперь можно добавить информацию, предоставленную автору Всеволодом Всеволодовичем Стрекаловским, сыном одного из героев настоящей статьи⁸. По его словам, из России Стрекаловские были эвакуированы несколькими рейсами, которые организовали союзники. В.В. Стрекаловский был вывезен из Севастополя французами и оказался в Тунисе. Вся остальная семья — отец, мать и двое братьев — были эвакуированы британцами в Египет. Спустя примерно год В.В. Стрекаловский воссоединился со своими родственниками в Каире. Там Всеволод, как и его братья Николай и Роман, пошел по стопам отца, став художником. Этому способствовало, в частности, общение Стрекаловских с известным русским иллюстратором Иваном Яковлевичем Билибиным (1876—1942), который жил в эмиграции в Каире с 1920 по 1925 г.⁹ Отец семейства В.А. Стрекаловский расписывал вместе с И.Я. Билибиным русскую домовую церковь в Каире, а Всеволод стал учеником знаменитого мастера. Когда И.Я. Билибин покинул Каир и переехал в Париж, В.В. Стрекаловский последовал за ним и продолжил обучаться художественному мастерству во Франции. Другим его учителем стал французский художник-ориенталист Рожер Бреваль¹⁰.

В 1927 г. В.В. Стрекаловский вернулся к семье в Каир. Его братья занимались технической иллюстрацией в каирском госпитале Каср эль-Айни, а Всеволод стал сотрудничать с Каирским геологическим музеем. Через музей он принял участие в крупном проекте по геологическому описанию территории Египта, которое проводилось под руководством Уильяма Фрэйзера Хьюма. Благодаря работе с геологами В.В. Стрекаловский познакомился с директором Восточного института Чикагского университета Джеймсом Генри Брэстедом, который заметил художественный талант русского эмигранта и пригласил его в новый проект своего института — эпиграфическую экспедицию в Саккаре. Так в возрасте тридцати лет В.В. Стрекаловский начал участвовать в копировании рельефов в знаменитой часовне Мериука, визиря царя Тети (ок. 2374—2354 гг. до н.э.; рис. 1). Полевым директором экспедиции был не египтолог, а антиковед, архитектор и археолог Прентис Дуэлл, получивший известность незадолго до начала проекта благодаря копированию росписей в этрусских гробницах. Работа в часовне Мериука велась при щедрой финансовой поддержке предпринимателя Джона Дэвисона Рокфеллера (младшего) с зимы 1930/1931 г. по 1937 г. В.В. Стрекаловский входил в состав экспедиции с самого ее начала¹¹. Проект стал частью большой программы Восточного института Чикагского университета по публикации наиболее важных эпиграфических памятников Древнего Египта¹². Она была инициирована Дж. Брэстедом в 1924 г. и продолжает реализовываться по сей день.

⁷ Bellin 2019, 347; Belyakov 2008, 226—230; 2018, 98.

⁸ Всеволод Всеволодович Стрекаловский ныне проживает в пригороде Бостона. Он продолжил семейную традицию, став художником и архитектором. Автор выражает ему искреннюю благодарность за дополнительные сведения о его семье.

⁹ Belyakov 2009.

¹⁰ Laumois 1938.

¹¹ Breasted 1933, 147.

¹² Brovanski 1996, 32.

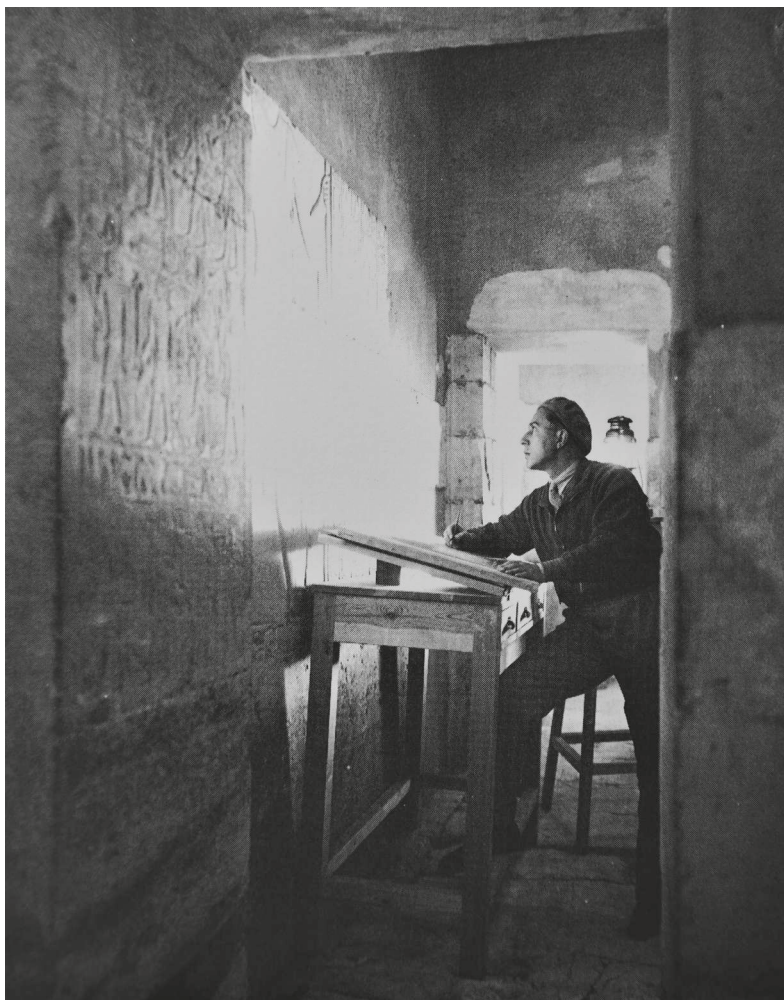

Рис. 1. В.В. Стрекаловский копирует рельеф с изображением Мериука и его жены Уатетхетхор. Фото начала 1930-х годов из личного архива (предоставлено сыном художника В.В. Стрекаловским)

В целом, процесс копирования, в который был вовлечен В.В. Стрекаловский (рис. 2–3), соответствовал принципам, уже выработанным к тому времени благодаря эпиграфическим исследованиям Чикагского университета в Фивах. С тех пор суть чикагского метода в целом остается неизменной и заключается в следующем: памятник тщательно фотографируется с использованием широкоформатных камер. Отпечатанные в уменьшенном масштабе снимки обводятся профессиональными художниками-иллюстраторами. Каждая прорисовка неоднократно сверяется на месте одним или несколькими опытными египтологами, которые знакомы с иконографией и палеографией памятника. После каждой сверки художник корректирует рисунок, внося правки эпиграфистов. Итоговый вариант отбеливается художником в соответствии с принятыми графическими приемами

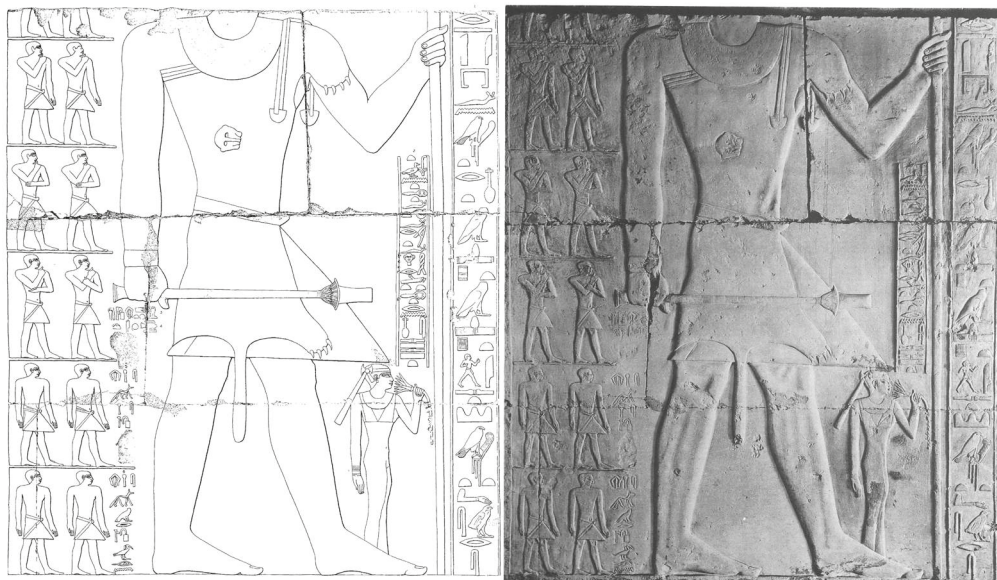

Рис. 2. Прорисовка рельефа с изображением Мериука и его жены Уатетхетхор, выполненная В.В. Стрекаловским, в сравнении с фотографией Л.Ф. Томпсона, по которой делалась обводка. По: Duell 1938a, pl. 26–27

и условными обозначениями¹³. Там, где такой подход возможен и оправдан, он позволяет получать очень качественный результат, органично сочетающий документальную точность с профессиональным видением египтолога и художественной выразительностью рисовальщика¹⁴.

Тщательно изучив опыт предшественников и современные ему эпиграфические проекты, Дж. Брестед пришел к выводу, что в случае с гробницей Мериука стандартные графические прорисовки рельефов и надписей должны сочетаться с качественными фотографиями и цветными рисунками. Такой подход, по его мнению, должен был дать читателю максимально полную информацию об оформлении часовни, начиная с пластических характеристик отдельных фигур и знаков и заканчивая сохранившимися остатками полихромии и характером разрушений¹⁵.

¹³ Breasted 1933, 205–212. Сегодня те же принципы специалисты чикагской школы разрабатывают уже в рамках цифровой эпиграфики (Vértes 2014).

¹⁴ Однако такой подход был и остается доступен далеко не всем экспедициям: он очень дорог, затратен по времени и не для всех памятников одинаково хорошо подходит. Метод создавался для копирования качественных монументальных рельефов, но он не всегда оправдан при работе с небольшими или сильно пострадавшими рельефами и росписями, а также с поверхностями со сложным профилем – например, с колоннами. Альтернативой чикагскому методу традиционно считается прорисовка текстов и изображений в масштабе 1 : 1 на различного типа кальке. Такой метод условно называется «карнакским», так как долгое время и последовательно использовался французской экспедицией в Карнаке (хотя свое начало он берет еще во времена Г. Картера). Подробнее см. Thiers 2020.

¹⁵ Duell 1938a, XVII–XVIII.

Рис. 3. Изображение Мериука, скопированное В.В. Стрекаловским темперными красками. По: Duell 1938b, pl. 183

В работе участвовали семь художников и фотограф Л.Ф. Томпсон. Им помогали четверо египтологов-эпиграфистов: Ч.Ф. Нимс, К. Сеел, Дж. Брэстед и Г. Нельсон. Не считая архитектурных чертежей, в итоговую публикацию вошло 219 иллюстраций: 103 фотографии, 101 черно-белая прорисовка и 15 цветных рисунков. В.В. Стрекаловский в рамках проекта выполнял как черно-белые прорисовки, так и рисунки темперными красками тех рельефов, что сохранили свой цвет. В общей сложности ему принадлежало 25 иллюстраций: 19 линейных прорисовок и 6 цветных рисунков. Это второй по объему вклад в иллюстративный материал обоих томов после С.Р. Шефферда, который подготовил 33 черно-белых прорисовки и 5 цветных рисунков. Не всем планам П. Дуэлла было суждено осуществиться. В публикацию по итогам проекта не вошли рельефы из часовен жены Мериука Уатетхетхор (Сешсешет) и его сына Меритети (Мери), которые были частью той же гробницы¹⁶. Не осуществились тогда и гораздо более масштабные планы Чикагского университета перейти после гробницы Мериука к не менее знаменитым гробницам Чи, Птахотепа и Кагемни¹⁷. Причины, конечно, были разнообразны, но главными оказались смерть Дж. Брэстеда в 1935 г. и сокращение финансирования.

В 1939 г. на публикацию часовни Мериука¹⁸ вышли две рецензии крупных египтологов, которые по-разному взглянули на многолетний труд интернациональной саккарской команды. Первая принадлежала Уильяму Стивенсону Смиту, который, являясь специалистом

¹⁶ Они будут опубликованы лишь спустя 70 лет (Kanawati, Abder-Razik 2004; 2008).

¹⁷ Breasted 1933, 147.

¹⁸ Duell 1938a; 1938b.

по искусству Старого царства и имея некоторый опыт копирования в цвете рельефов из Гизы¹⁹, с трудом скрывал свой восторг и энтузиазм: «Никогда прежде рельефы Старого царства не воспроизводились столь удачно в таких масштабах и с такими прекрасными прорисовками, подробно сопровождаемыми фотографиями и цветными иллюстрациями. Данные тома, как кажется, реализовали тот идеал, к которому стремились все публикации египетских рельефов». В своей рецензии он остановился на нескольких важных сценах и не жалел комплиментов в адрес художников: «Любой признает высокий технический уровень, проявленный в иллюстрациях мистером Дуэллом и его коллегами, мистером Шефердом и мистером Стрекаловским»²⁰.

Вторая рецензия была написана опытным издателем древнеегипетских гробниц, сотрудником музея Метрополитен Норманом де Гарис Дэвисом и носила более сдержанный характер²¹. Это был взгляд специалиста, который к тому времени вот уже несколько десятилетий вместе со своей женой и коллегами копировал сложные гробничные изображения (преимущественно в фиванском некрополе, но также в Саккаре²² и Гизе²³). Он отметил отсутствие критического анализа текстов и сцен²⁴, а также индекса, что, безусловно, затрудняет работу с публикацией. К иллюстраторам у опытного художника не было серьезных претензий, не считая единичных стилистических замечаний (но не к рисункам В.В. Стрекаловского), а также того, что прорисовки не всегда передают степень грубости, с которой были выполнены некоторые изображения. Однако он высказал два упрека по поводу общей концепции подачи материалов: 1) учитывая высоту рельефов в гробнице Мериука, многие линии, условно показывающие тень, выглядят слишком тонкими, из-за чего прорисовки имеют ограниченную графическую выразительность; 2) поскольку цвета пигментов за тысячелетия неминуемо изменяются, для общего представления об оригинальной полихромии следовало бы ограничиться одной-двумя иллюстрациями с восстановленными цветами; полтора десятка рисунков, которые передают реально сохранившиеся цвета, по мнению Дэвиса, — лишь потакание вкусам широкой публики. Если первое замечание вполне справедливо, то второе не кажется продуктивным. Кстати, сам Дэвис предложенному совету в то время уже не следовал, копируя именно сохранившиеся, а не восстановленные цвета даже в тех случаях, когда они очевидным образом уже претерпели изменения²⁵. В целом же опытный художник и египтолог признавал, что издание часовни Мериука заложило новые стандарты публикации древнеегипетских рельефов: «Давайте подведем в этом случае такой итог:

¹⁹ Weeks 1995, color pl. 6b, 7a-b, 8.

²⁰ Smith 1939, 348. Издание оказалось столь выдающимся по качеству не только из-за таланта художников, но и благодаря использованию при печати процесса коллотипии, передававшего глубину и нюансы цвета.

²¹ Davies 1939, 223–224.

²² Davies 1900; 1901.

²³ Roth 1995, pl. 155–160.

²⁴ Современная публикация текстов из часовни Мериука и некоторых недостающих прорисовок вышла в свет лишь в начале XXI в. (Kanawati *et al.* 2010; 2011).

²⁵ См., например, Davies 1935.

никогда прежде читатель столь полно не погружался в древний памятник, никогда ему не предоставлялось более надежной возможности получить ответы на вопросы, которые он мог бы задать, никогда у него не было шанса получить ощущения столь близкие к тем, что он испытал бы при встрече с памятником «живую», — писал он в заключении²⁶.

Работа в американской экспедиции имела для В.В. Стрекаловского серьезные личные последствия, поскольку именно там он встретился с антиковедом и художественным продюсером Анной Дуэлл, женой полевого директора экспедиции Прэнтиса Дуэлла. Результатом этой встречи в 1991 г. было то, что, со слов Антонины Николаевны Стрекаловской, бывшей жены художника Николая Владимировича Стрекаловского, записал В.В. Беляков: «Всеволод, как и Николай, зарабатывал, так сказать, практическим рисованием. Только не на медицинскую, а на историческую тему. Например, для музеев. Приглашали его и археологические экспедиции. В одной из таких экспедиций Всеволод познакомился с американкой и влюбился в нее. Он развелся со своей русской женой и уехал за американкой в Америку. А там она развелась со своим мужем, и они поженились»²⁷.

Сегодня события тех лет можно восстановить с несколько большей точностью. К моменту знакомства с Анной Дуэлл В.В. Стрекаловский был женат на русской эмигрантке, бывшей балерине Марине Коссовой (Marina Kossoff), которая стала секретарем и документалистом американской экспедиции в Саккаре. История любви, развернувшаяся на фоне копирования рельефов в гробнице Мериука, разрушила обе семейные пары — и Дуэлли, и Стрекаловских. В 1934 г. Всеволод Владимирович покинул проект и уехал вместе с Анной в Париж, где они обвенчались. Затем молодые супруги переехали в Великобританию. Марина Коссова осталась работать в Саккаре.

Дальнейшую судьбу В.В. Стрекаловского позволяют восстановить некролог Анны Стрекаловской, скончавшейся в 1986 г.²⁸, многочисленные заметки в бостонской прессе и информация, предоставленная автору сыном художника. В 1937 г. супруги переехали в США, поселившись в пригороде Бостона. Первые годы жизни в Америке В.В. Стрекаловский продолжал работать художником и устраивал выставки своих работ²⁹. Однако с начала 1940-х годов он занялся ресторанным бизнесом, а также сотрудничал с Массачусетским технологическим институтом, где в годы Второй мировой войны участвовал в налаживании производства радаров для войск союзников. Семья Стрекаловских активно участвовала в общественной жизни штата Массачусетс, имена супругов регулярно появлялись в местной прессе в связи с благотворительными мероприятиями, концертами и выставками³⁰. В годы Великой Отечественной войны Стрекаловские неоднократно участвовали в сборе

²⁶ Davies 1939, 224.

²⁷ Подробнее о рассказе А.Н. Стрекаловской см. Belyakov 2008, 226–230.

²⁸ The Boston Globe, 03.02.1986, p. 47.

²⁹ The Boston Globe, 04.09.1937, p. 3; The Palm Beach Post, 06.02.1940, p. 9.

³⁰ См., например, The Palm Beach Post, 02.02.1940, p. 10; The Boston Globe, 02.04.1957, p. 14; 27.04.1959, p. 24; 06.10.1977, p. 72.

средств для советских солдат³¹. Несколько раз В.В. Стрекаловский возвращался в Египет, где посещал отца и братьев³², однако с археологами он больше не сотрудничал. Умер Всеволод Владимирович в 1989 г. в возрасте 88 лет.

По некоторым данным, египетские работы В.В. Стрекаловского хранятся не только в Чикаго, но и в Гарварде³³. Подтверждений этому нам найти не удалось, хотя предпосылки для сотрудничества с Гарвардским университетом действительно имелись. В 1930-х годах Гарвард совместно с Музеем изобразительных искусств в Бостоне финансировал раскопки в Гизе. По утверждению П. Дуэлла, который сам был выпускником Гарварда, между научными коллективами американских экспедиций в Саккаре и Гизе было дружеское сотрудничество и они много помогали друг другу³⁴. В.В. Стрекаловский был одним из ведущих художников в саккарском проекте, поэтому скорее всего уже с самого начала 1930-х годов он был неплохо знаком с участниками экспедиции в Гизе. Поскольку творческая семья Стрекаловских занимала видное положение в небольшой и весьма сплоченной русской общине Каира, не исключено, что именно В.В. Стрекаловский ввел в круг американских египтологов другого героя нашей статьи — Александра Викторовича(?) Флорова³⁵ (рис. 4).

Имена инженера Александра Флорова (Alexander V. Floroff) и иллюстратора Николая Мельникова (Nicholas Melnikoff)³⁶ отечественным специалистам известны мало, хотя в течение многих лет на них в значительной степени держалась документация одной из легендарных археологических экспедиций в Египте — экспедиции

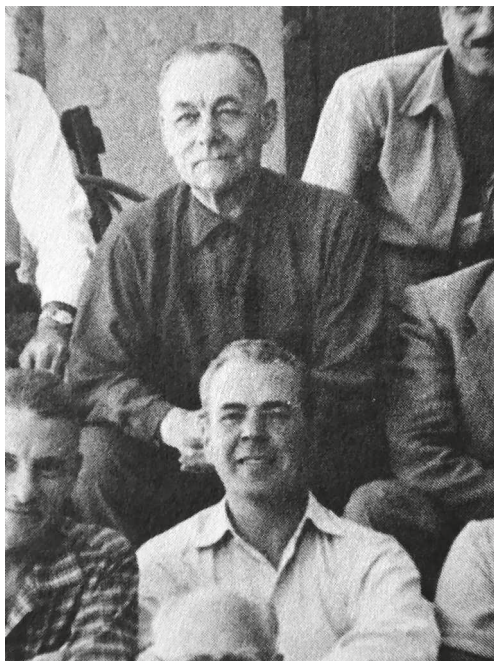

Рис. 4. А.В. Флоров (в середине в верхнем ряду) в окружении коллег по эпиграфическому проекту Восточного института Чикагского университета в Луксоре. По: Wilson, 1972 (без стр.)

³¹ The Boston Globe, 10.12.1941, p. 21; 23.01.1942, p. 17; 09.10.1942, p. 19; 03.05.1943, p. 10; 31.03.1944, p. 12.

³² Брат Николай в 1955 г. переехал из Каира в Бостон, а Роман Стрекаловский скончался в Каире в 1973 г.

³³ Bellin 2019, 347; Belgorodskaya *et al.* 2014, 1905.

³⁴ Duell 1938a, VII.

³⁵ В русскоязычной литературе существует разночтение: фамилия передается то как Флоров, то как Флеров, см. Shchennikov 1994; Belyakov 2018, 79, 235. В латинизированной транскрипции фамилия всегда передавалась как Floroff.

³⁶ Отчества этих двух эмигрантов в известной нам американской документации не появляются, что затрудняет их идентификацию среди однофамильцев (см. ниже).

у подножия пирамид Гизы под руководством Джорджа Эндрю Райзнера. В 1910–1930-х годах Дж. Райзнер был, пожалуй, одним из самых прогрессивных археологов из тех, что вели раскопки в долине Нила³⁷. Методика его работы была значительно сложнее той, что применяли большинство современников³⁸. Именно Дж. Райзнер ввел в практику ближневосточной археологии стратиграфические разрезы и раскопки по слоям³⁹. Он же стал первым в Египте методично использовать фотографию для поэтапной фиксации процесса раскопок⁴⁰. Единая система нумерации архитектурных комплексов, тщательный и подробный учет находок и полевой документации также были необычны для египетской археологии того времени.

А.В. Флоров и Н. Мельников присоединились к экспедиции Дж. Райзнера в 1930-х годах. Основной источник сведений о работе двух наших соотечественников — это оцифрованный экспедиционный архив, содержащий тысячи фотографий, чертежей, рисунков и дневниковых записей⁴¹. Первое упоминание А.В. Флорова в полевом дневнике относится к 11 июня 1934 г.: «Сегодня прибыл мистер Флоров и начал рисовать шахты мастабы [G] 7650»⁴². В одном из своих писем в египетский Департамент древностей Дж. Райзнер привел краткую биографию А.В. Флорова: «Александр Флоров, русский. Геодезист и иллюстратор. Получил образование в Институте сельского хозяйства и лесоводства г. Ново-Александрия⁴³ в России (диплом в 1915 году). Работал геодезистом на службе у российского правительства. Призван в армию в 1915 году. Присоединился к экспедиции в 1934 году»⁴⁴.

К этому можно добавить, что — по свидетельству самого А.В. Флорова⁴⁵ — он был офицером царской армии, в Первую мировую войну сражался на турецком фронте, а в Гражданскую войну — в войсках А.И. Деникина. После поражения Добровольческой армии он вместе с ранеными был эвакуирован британцами

³⁷ Дж.Э. Райзнер (1867, Индианаполис — 1942, Гиза) начал полевые исследования в Египте в 1899 г., а в 1902 г. возглавил основной проект своей жизни — археологическую экспедицию в Гизе (с 1905 г. спонсировалась Гарвардским университетом и бостонским Музеем изобразительных искусств). Крупномасштабные раскопки на Западном и Восточном плато Гизы, а также близ пирамиды Менкаура велись до 1937 г., а ограниченные раскопки продолжались почти до самой смерти исследователя в 1942 г. Официально экспедиция была завершена в 1947 г.

³⁸ Manuelian 1990–1991, 17–18.

³⁹ Wilson 1964, 144–150; Lacovara 1981, 120; Browman, Givens 1996, 85–86; Browman, Williams 2013, 229; Lacovara *et al.* 2020.

⁴⁰ Manuelian, Reisner 1992.

⁴¹ URL: <http://giza.fas.harvard.edu>; дата обращения: 20.02.2022.

⁴² Документ HUMFA_Arabic_diary_23_p1802. Здесь и далее даются ссылки на оцифрованные документы из архива экспедиции Дж. Райзнера: URL: <http://giza.fas.harvard.edu>; дата обращения: 20.02.2022.

⁴³ Современный г. Пулавы на юго-востоке Польши.

⁴⁴ Автор сердечно благодарен П. де Мануэлиану за копию письма Дж. Райзнера от 22.01.1937.

⁴⁵ Сегодня в нашем распоряжении есть два кратких источника, которые сохранили воспоминания русского эмигранта о своей жизни. В 1954 г. с А.В. Флоровым в Луксоре общалась американка Маргарет Белл Камерон (Cameron 2001, 37–38), а в начале 1970-х годов с ним встречался советский журналист В.Ф. Щенников (Shchennikov 1994).

из восточного Причерноморья в Египет. Через полгода к нему в Каир перебралась его мать, бывшая в Первую мировую войну сестрой милосердия (скончалась в Каире в 1953 г.). Прежде чем попасть в экспедицию в Гизе, он выполнял различные работы для британских военных, расквартированных в стране на Ниле.

Мы точно не знаем, как А.В. Флоров оказался в команде Дж. Райзнера. Сыграли в этом какую-то роль В.В. Стрекаловский, как мы предположили выше⁴⁶, или же к этому привели какие-то другие обстоятельства, например связи бывшего царского инженера и офицера с британскими военными, однако сам приход в экспедицию русского эмигранта, вероятно, напрямую был связан с уходом из нее британского морского офицера Н.Ф. Уиллера. Именно Уиллер на протяжении 8 лет, вплоть до 1933 г., был геодезистом и архитектором проекта, выполняя также некоторые обязанности археолога⁴⁷. А.В. Флоров сменил его на следующие 9 лет, став последним геодезистом и архитектором экспедиции. В это время, несмотря на прогрессирующую потерю зрения, Дж. Райзнер активно писал и редактировал первые три тома своей фундаментальной «Истории некрополя Гизы»⁴⁸. Поскольку работу над рукописями Дж. Райзнер активизировал именно в 1934 г. (в результате настойчивого давления со стороны Департамента древностей и руководства Музея изобразительных искусств в Бостоне), не исключено, что нашего соотечественника египтолог взял на работу именно для систематизации и оформления архитектурной части своего главного научного труда. Учитывая то значение, что придавал Дж. Райзнер архитектуре гробничных комплексов, можно полагать, что новый член экспедиции пользовался его исключительным доверием.

Русский эмигрант создавал для американских раскопов системы опорных точек с помощью метода триангуляции, вычерчивал планы и архитектурные разрезы гробниц, шахт и погребальных камер, сводил планы раскопанных объектов вместе. В лице А.В. Флорова Дж. Райзнер приобрел сотрудника, который

⁴⁶ У этой версии есть косвенное подтверждение. В последние годы жизни Дж. Райзнер много общался еще с одним русским эмигрантом — Борисом Лысенко. Возможно, последний был родственником Ольги Лысенко — жены Романа Стрекаловского (брата В.В. Стрекаловского). Эвелин Перкинс, секретарь Дж. Райзнера, описывала его как образованного молодого человека, который регулярно бывал в лагере по вечерам и читал почти ослепшему американскому археологу детективные романы (Дж. Райзнер всю жизнь увлекался детективами и оставил после смерти коллекцию из нескольких тысяч книг). О близости Б. Лысенко и А.В. Флорова к Дж. Райзнеру в последние годы его жизни говорит тот факт, что первый заверял в качестве свидетеля завещание американского археолога от 16.12.1940 г., а второй заверял более поздний вариант завещания от 16.04.1941 г. См. документ HUMFA_ED40_11_1010. Автор благодарен П. де Мануэлиану за возможность ознакомиться с текстами неопубликованных писем Э. Перкинс с упоминаниями Б. Лысенко от 16.09.1939 и 15.03.1941. Об Ольге Лысенко см. Belyakov 2018, 224.

⁴⁷ В последние годы работы Н. Уиллера в Гизе у него возникали конфликты с Дж. Райзнером. Американский археолог даже вынашивал планы перевести Уиллера на работу в Департамент древностей на место скончавшегося в 1931 г. С.М. Фёрса (личное сообщение П. де Мануэлиана).

⁴⁸ Планы по публикации своих материалов Дж. Райзнер обнародовал в первом томе своей серии (Reisner 1942, IX).

полностью отвечал за фиксацию архитектуры. Он не только чертил сам, но и проверял рисунки и описания своих коллег, в том числе на арабском языке⁴⁹. Методика работы А.В. Флорова видна по его черновым записям, предварительным наброскам и итоговым иллюстрациям. Подступаясь к новому большому архитектурному комплексу, он начинал с карандашных заметок, архитектурных обмеров и схематичных набросков. Затем приходило время для чертежей, которые делались на миллиметровой бумаге. Часть из них А.В. Флоров рисовал и проверял на месте, другие вычерчивал явно вдали от памятника, руководствуясь сделанными обмерами, схемами и фотографиями. Такой подход неминуемо означал известную степень обобщения и потерю деталей, которые сегодня считаются важными. Современные исследователи нередко находят последовательные упрощения в чертежах А.В. Флорова. Впрочем, это была не вина архитектора, а особенность эпохи. Большое число одновременно раскапываемых и заново расчищаемых памятников иначе зафиксировать, очевидно, было попросту невозможно. Стоит помнить и общие методологические установки археологов того времени, которые интересовались преимущественно выстраиванием типологии выявленных комплексов, а не изучением их индивидуальных архитектурных особенностей.

При всем этом бывший царский инженер занимался не только иллюстрациями: он оценивал надежность древних конструкций и безопасность работы в них⁵⁰, участвовал в разборке закладов при входе в погребальные камеры⁵¹ и *сердабы* (помещения или ниши для статуй)⁵², рисовал скелеты⁵³, вынимал после фиксации ценные артефакты⁵⁴, проводил тонкую зачистку и работал с хрупкими находками⁵⁵ — иными словами, выполнял обязанности археолога. А.В. Флорова, видимо, живо интересовали археологические находки и сам процесс их обнаружения. В дневниковых записях его коллег-археологов мы неоднократно находим упоминания того, как даже в ходе проведения архитектурных обмеров древних гробниц он находил различные артефакты: фрагмент известнякового бассейна для возлияний (19 июня 1935 г.)⁵⁶, фрагменты рельефов (13 июля 1938 г.)⁵⁷, каменное орудие из гранита (5 октября 1940 г.)⁵⁸ и т.д.

Как уже отмечалось, А.В. Флоров принимал самое непосредственное участие в подготовке к публикации «Истории некрополя Гизы». Работа над текстом и иллюстрациями, которые должны были обобщить результаты нескольких десятилетий раскопок, порожидала множество вопросов (особенно в случаях с недо конца изученными или плохо задокументированными памятниками). Поэтому А.В. Флорову приходилось на месте проверять и дополнять архитектурные

⁴⁹ Документ HUMFA_Arabic_diary_27_p2142.

⁵⁰ Документ HUMFA_ED39_12_849.

⁵¹ Документы HUMFA_Arabic_diary_24_p1831 и HUMFA_Arabic_diary_24_p1834.

⁵² Документ HUMFA_Arabic_diary_25_p1961.

⁵³ Документ HUMFA_Arabic_diary_24_p1911b.

⁵⁴ Документы HUMFA_ED35_04_032 и HUMFA_Arabic_diary_24_p1915.

⁵⁵ Документ HUMFA_Arabic_diary_26_.

⁵⁶ Документ HUMFA_Arabic_diary_25_p1972.

⁵⁷ Документ HUMFA_ED38_07_724.

⁵⁸ Документ HUMFA_ED40_08_1009.

описания и делать чертежи уже ранее раскопанных комплексов, в том числе шахт и погребальных камер, часть из которых приходилось расчищать заново⁵⁹. Однако его главная заслуга состояла в другом. На плечи нашего соотечественника легло составление генеральных планов всех раскопанных комплексов на Восточном⁶⁰ и Западном плато Гизы⁶¹, а также в некрополе в каменоломнях Менкаура⁶². Задача была нетривиальная, так как памятники, которые нужно было нанести на общие планы, раскапывались в разное время, разными людьми, с разным качеством документации на протяжении около 30 лет. Какие-то гробницы были хорошо видны, какие-то приходилось заново расчищать, но в итоге планы были сведены и результатами этой работы исследователи Гизы продолжают пользоваться по сей день: именно генеральные планы русского эмигранта лежат в основе электронных чертежей, которые уточняют и дополняют современные экспедиции.

А.В. Флоров подготовил значительную часть иллюстраций для первого тома «Истории некрополя Гизы»⁶³ и принимал деятельное участие в работе над текстами Дж. Райзнера для второго и третьего томов. Черновые варианты планировавшихся изданий полны его рукописными уточнениями и исправлениями. Они относятся в основном к периоду между 1940 и 1942 г. и касаются преимущественно размеров, архитектурных описаний и этапности строительства раскопанных комплексов, а также неточностей в полевой нумерации⁶⁴.

Н. Мельников (рис. 5) появился в экспедиции позже А.В. Флорова и, возможно, по его рекомендации. Самый ранний документ в экспедиционном архиве, свидетельствующий о присутствии Н. Мельникова в американском лагере у пирамид, — это общая фотография, сделанная 11 мая 1937 г. во время празднования 70-летия Дж. Райзнера⁶⁵. Русский эмигрант сидит рядом с дочерью американского исследователя, Мэри Райзнер⁶⁶, и выглядит довольно молодым человеком. В дневниковых записях коллеги Н. Мельникова называли его только по имени — Николай (Nicholas) или мистер Николай⁶⁷. Судя по всему, с членами экспедиции Н. Мельников вел себя несколько проще, чем А.В. Флоров, или был моложе своего соотечественника, который в тех же дневниках всегда назван по фамилии.

Н. Мельников выполнял в экспедиции обязанности иллюстратора: перебеливал чертежи А.В. Флорова, в том числе генеральные планы американских раскопок, сам чертил отдельные комплексы, рисовал керамику и находки, копировал

⁵⁹ Документы HUMFA_Arabic_diary_25_p1957 и HUMFA_ED39_12_849.

⁶⁰ Reisner 1942, map 3.

⁶¹ Brovarski 2001, fig. 1.

⁶² Документ HUMFA_EG010039.

⁶³ Reisner 1942.

⁶⁴ См., например, документы HUMFA_UM26, HUMFA_UM43, HUMFA_UM206, HUMFA_UM223, HUMFA_UM1862, HUMFA_UM1912, HUMFA_UM2271, HUMFA_UM3141, HUMFA_UM3197, HUMFA_UM3217, HUMFA_UM3217, HUMFA_UM3872, HUMFA_UM4005, HUMFA_UM4201, HUMFA_UM4213, HUMFA_UM4216 и HUMFA_UM4219.

⁶⁵ Документ HUMFA_A7874_NS.

⁶⁶ В 1938 г. Н. Мельников делает карандашный портрет М. Райзнер. См. документ HUMFA_A8024_NS.

⁶⁷ Документы HUMFA_ED40_02_024 и HUMFA_ED40_11_1010.

Рис. 5. Н. Мельников (у стеллажа) среди других участников экспедиции в Гизе (слева направо: Ф.О. Аллен, Дж.Э. Райзнер, Н. Мельников, Х. Хандрик и Мохамед С. Ахмед). Снимок из египетского журнала *المصور* [Аль-Муссауар], № 740 за 16.12.1938 (без стр.)

рельефы, а в свободное время делал художественные наброски. Работы Н. Мельникова показывают, что он явно тяготел к чертежам, возможно, благодаря техническому образованию, которое мы, впрочем, можем только предполагать. Особенно удачно у него выходили архитектурные иллюстрации и рисунки находок, в частности керамики. Вместе с тем прорисовки эпиграфических материалов, выполненные русским эмигрантом, порой демонстрируют излишне уверенную руку и содержат существенные неточности. Следует отметить и характерную особенность работы самого Райзнера, которая проявилась не только на раскопках в Гизе, но и на других памятниках (в частности, в царских некрополях в Судане), — отсутствие системного подхода к фиксации эпиграфического и иконографического материала. Американский исследователь интересовался преимущественно архитектурой и находками, а рельефы и росписи занимали его обычно лишь в рамках общей типологии и в привязке к архитектуре. Изображения и тексты из раскопанных Дж. Райзнером гизехских гробниц регулярно фотографировались, что, безусловно, было очень важно, однако копировали их непоследовательно, от случая к случаю, без единой методики⁶⁸.

⁶⁸ Последовательная публикация текстов и изображений из изученных Дж. Райзнером гробниц началась спустя более 30 лет после его смерти, причем большая часть опубликованных прорисовок делалась впервые. Отметим, что среди множества художников и эпиграфистов, принявших участие в этой работе в разные годы, была

Копирование рельефов Н. Мельниковым вполне укладывалось в эту общую картину. Русский эмигрант был занят преимущественно прорисовкой текстов и изображений на разрозненных фрагментах и архитектурных элементах, найденных в процессе раскопок. Многие копии таких небольших обломков делались на месте в масштабе 1:1⁶⁹. Одновременно Н. Мельников копировал некоторые крупные архитектурные элементы — барабаны, ложные двери, архитравы. В его рисунках прослеживается определенное влияние чикагской школы, например характерный способ изображать повреждения или использование фотографий при обводке. Однако в целом они очень далеки от превосходных прорисовок В.В. Стрекаловского и его коллег, так как при их создании нарушались основные принципы эпиграфической иллюстрации. Во-первых, рисунки Н. Мельникова далеко не всегда проверялись кем-то из коллег-египтологов⁷⁰. Во-вторых, использованные фотографии часто не были ортогональными, поэтому прорисовки сохраняют значительные перспективные искажения⁷¹. Кроме того, на некоторых прорисовках не хватает важной технической информации — масштаба и/или номера находки⁷². В итоге прорисовки рельефов Н. Мельниковым содержат неточности и упущения, которых в других обстоятельствах можно было бы избежать. Значительную часть таких прорисовок, особенно сделанных по фотографиям, использовать в публикациях можно было лишь в крайнем случае⁷³. С началом Второй мировой войны в экспедиции скорее всего уже не было людей, готовых обучать и направлять Н. Мельникова: Райзнер был почти слеп и мало интересовался рельефами, его заместитель Френсис Олкот Аллен оказался вынужден сочетать работу в Гизе с военной службой, а художник Хансмартин Хандрик не был египтологом.

С 1939 г. научный состав экспедиции оказался в изоляции в Каире, но продолжал работать даже в период немецких налетов (на время воздушных тревог ученые укрывались в скальных гробницах, а руководитель экспедиции переселился в скальную гробницу LG 71 на Восточном плато). Дж. Райзнер скончался в своем лагере у подножия пирамид 6 июня 1942 г. В ограниченном объеме гарвардский лагерь продолжал функционировать и после его смерти, однако в условиях войны поддерживать проект становилось все сложнее. Оба русских эмигранта числились

потомок эмигрантов из России, американская художница Хелен Василевская (см. Weeks 1995, color pl. 2в–с; 4b).

⁶⁹ Некоторые копии попросту вычерчивались, поэтому прорисовками, строго говоря, не являются, см., например, документ HUMFA_EG021441.

⁷⁰ Примеры непроверенных прорисовок: HUMFA_EG021438, HUMFA_EG02230 и HUMFA_EG022416. Пример проверенной прорисовки: HUMFA_EG021563. Пример прорисовки, проверенной после экспедиции Дж. Райзнера: документ HUMFA_EG021533.

⁷¹ См., например, документы HUMFA_EG020865, HUMFA_EG020868 и HUMFA_EG022727.

⁷² См., например, документы HUMFA_EG021440, HUMFA_EG021391 и HUMFA_EG020904.

⁷³ Можно предположить, что они делались исключительно для того, чтобы донести основную информацию о рельефе или находке до человека, который уже не мог вглядываться в черно-белые снимки, — стремительно терявшего зрение Дж. Райзнера.

в составе экспедиции до 1943 г., когда директор Музея изобразительных искусств предложил рассчитать их в связи с отсутствием новой работы⁷⁴.

Достоверных данных о судьбе Николая Мельникова после Гизы нам, увы, найти пока не удалось. Его отчество в известной нам американской документации не отражено, а фамилия была весьма распространенной, поэтому любые возможные идентификации пока под вопросом. В общем склепе под русской часовней на кладбище греческого православного монастыря Святого Георгия в Старом Каире, где захоронены многие бедные русские эмигранты, в том числе египтолог В.М. Викентьев, есть краткая надпись без дат: «Мельников Н.Л.»⁷⁵. Тот ли это Мельников, что работал у великих пирамид Гизы?

О жизни и карьере А.В. Флорова известно больше. В 1950 г. он пошел по стопам В.В. Стрекаловского и на долгие 15 сезонов связал свою судьбу с эпиграфическими исследованиями Восточного института Чикагского университета в Луксоре⁷⁶. В качестве художника он копировал рельефы в Карнаке⁷⁷ и заупокойном храме Рамсеса III в Мединет Абу⁷⁸ (рис. 6). В 1957 г. в результате Суэцкого кризиса, из-за которого египетское правительство не пустило в страну британских художников, проживавший в Египте русский эмигрант остался единственным иллюстратором в Мединет Абу. Не исключено, что он принимал участие и в других американских проектах, хотя в целом работа в эпиграфической экспедиции в Луксоре требовала круглогодичной занятости (в межсезонье шла обводка сделанных копий). Последний сезон в Луксоре А.В. Флоров провел в 1964–1965 гг., после чего ушел на пенсию⁷⁹. К тому моменту бывший царский инженер был самым опытным иллюстратором чикагской школы в Египте⁸⁰.

В начале 1970-х годов советский журналист В.Ф. Щенников побывал в библиотеке «Русского клуба» на улице Имад эд-Дин в Каире. В то время библиотекой заведовал пожилой эмигрант Александр Викторович Флоров (Флеров). Очевидно, что он и был тем самым специалистом, проработавшим почти четверть века в американских экспедициях. Это подтверждается следующими данными. Из статьи В.Ф. Щенникова мы знаем, что заведующий библиотекой А.В. Флоров (Флеров) был близко знаком с Екатериной Александровной фон Шлипп – хозяйкой известного среди русских эмигрантов дома отдыха в Хелуане⁸¹. А из сообщения Фатхи Файяда, египтянина, выкупившего этот пансионат примерно десятилетие

⁷⁴ Edgell 1943, 16.

⁷⁵ Belyakov 2018, 225.

⁷⁶ Вот какое впечатление А.В. Флоров произвел в этот период своей жизни на американскую путешественницу М.Б. Камерон: «Чудной неразговорчивый джентльмен, предпочитающий одиночество. Однако он был очень душевен со мной в один из дней в храме [Мединет Абу], заварив мне чашку чудесного крепкого Nescafé и рассказав историю своей жизни» (Cameron 2001, 38).

⁷⁷ Oriental Institute Epigraphic Survey 1954; 1981.

⁷⁸ Oriental Institute Epigraphic Survey 1957; 1963; 1964; 1970.

⁷⁹ Nims 1963–1964; 1964–1965, 21.

⁸⁰ Nims 1970–1971, 7–8.

⁸¹ Shchennikov 1994.

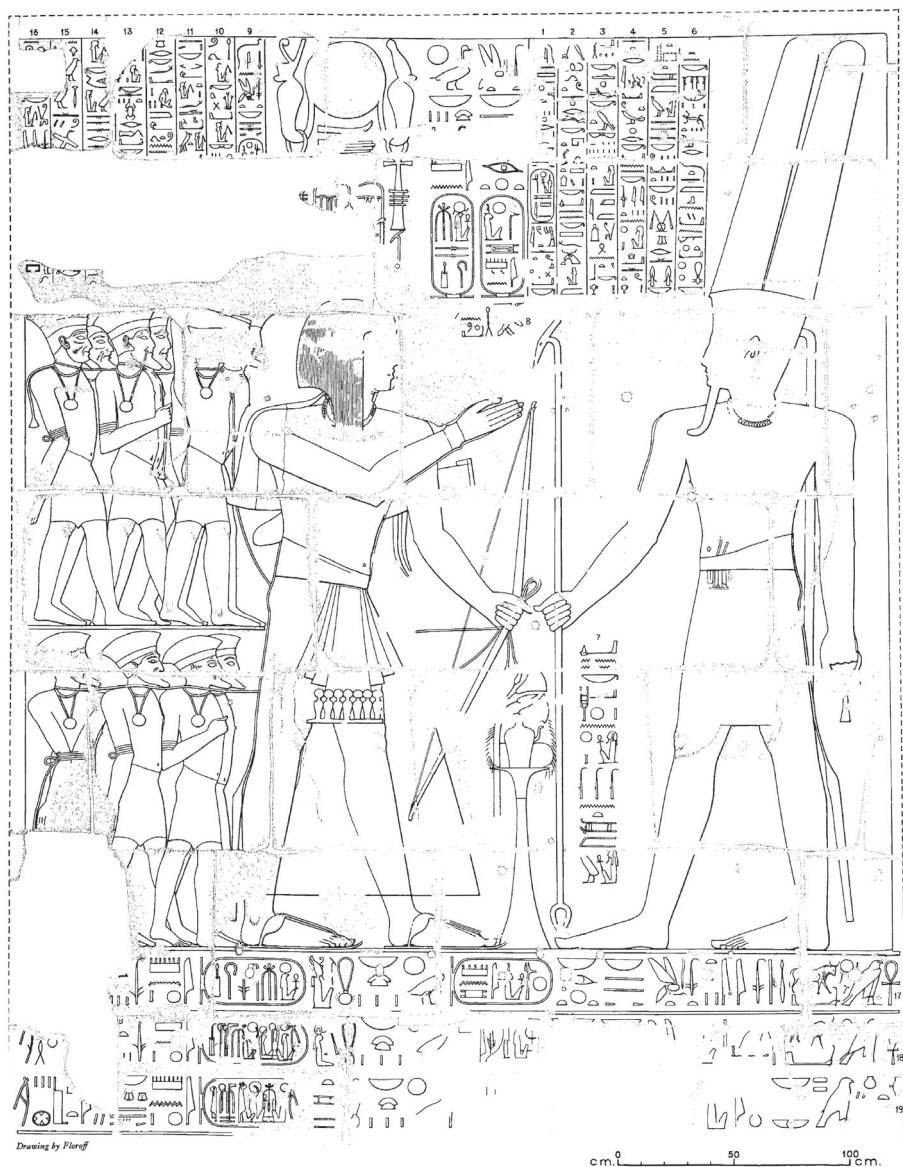

Рис. 6. Рамсес III дарует пленных врагов богу Амону-Ра. Прорисовка рельефа из Мединет Абу, выполненная А.В. Флоровым. По: Oriental Institute Epigraphic Survey 1970, pl. 621

спустя, нам известно, что дружный с Е.А. фон Шлипп и часто посещавший ее Александр Флоров работал некогда с археологами в Луксоре⁸².

Неподалеку от общего склепа, где захоронены В.М. Викентьев и Н.Л. Мельников, есть отдельная могила, принадлежащая Александру Викторовичу Флорову,

⁸² Belyakov 2008, 245–249.

который скончался в Каире 25 октября 1979 г. в возрасте 91 года⁸³. В архиве Чикагского университета хранится фотография Александра Флорова (фото 48126, негатив 31875), в подписи к которой значится, что отчество иллюстратора в английской транскрипции начиналось на букву V: Alexander V. Floroff. Кажется, что все сходится. Однако есть устное свидетельство все того же Фатхи Файяда о том, что работавший с археологами Александр Флоров якобы уехал в 1985 г. из Египта в США и поселился в Чикаго⁸⁴. Нет ли здесь какой-то неточности или стремления выдать желаемое за действительное и стоит ли такому свидетельству доверять — сказать уже сложно. Следов А.В. Флорова в Чикаго нам пока найти не удалось.

Судьбы В.В. Стрекаловского, А.В. Флорова и Н. Мельникова напоминают судьбы некоторых других русских инженеров, фотографов и художников, оказавшихся в эмиграции на Востоке и внесших затем значительный вклад в сохранение и публикацию наследия древних цивилизаций. Так, можно вспомнить выдающегося фотографа Бориса Дубенского (Boris Dubensky) и художника Ивана Герасимова (Ivan Gerasimoff), которые вместе с выходцем из Российской империи польского происхождения, фотографом Станиславом Недзвецким (Stanisław Niedźwiecki), работали в те же 1930-е годы в археологических экспедициях в Иране⁸⁵.

Появление русских эмигрантов в составе иностранных археологических и эпиграфических экспедиций на позициях иллюстраторов сегодня кажется вполне закономерным и объясняется, видимо, самой логикой организации такого рода проектов. С деятельности Флиндерса Питри и развития технических средств фиксации информации, в частности фотографии, началось совершенствование методики раскопок в Египте и повышение требований к полевой документации. Происходившие изменения были непосредственно связаны с затянувшимся переходом египетской археологии от этапа антикварианизма к типологическому этапу⁸⁶. Однако нововведения развивались на фоне сохранения больших масштабов археологических работ. В начале XX в. это неминуемо привело к росту численности технического персонала экспедиций и, как следствие, дефициту кадров в данной сфере. Особенно остро эта проблема стояла перед молодыми египтологическими школами, к которым относилась, в частности, американская. В 1910–1930-х годах иностранные институты, а также отдельные археологические и эпиграфические проекты в Египте постепенно начали вкладывать средства и силы в подготовку местных кадров — как египтологов, так и технических специалистов. Последние требовались для ведения отдельных раскопок, составления первичной полевой документации, фотофиксации, создания иллюстраций. Характерным примером здесь была деятельность Французского института восточной археологии и неоднократно упоминавшегося Дж. Райзнера, которые последовательно делали ставку на квалифицированные (и более дешевые) египетские кадры. Неожиданное появление в Каире в начале 1920-х годов белоэмигрантов из России, многие из которых владели европейскими языками, обладали техническими

⁸³ Belyakov 2018, 235.

⁸⁴ Belyakov 2008, 245–257.

⁸⁵ Gürsan-Salzmann 2007, 34–35; Mousavi 2012, 186–187.

⁸⁶ Orton *et al.* 1993, 3–14; Weeks 2008, 12–13.

знаниями и художественными навыками, и при этом с точки зрения транспортной логистики и проживания могли быть приравнены к местным жителям⁸⁷, не могло не привести к тому, что часть из них оказалась востребована в археологии.

Приобретенный нашими соотечественниками богатый опыт копирования изображений и надписей, археологической иллюстрации, знание специфики египетских археологических памятников и архитектуры, наконец, знание арабского языка и культуры — все это, к сожалению, в той непростой исторической ситуации оказалось потеряно для отечественного востоковедения. Советские египтологи и археологи не смогли закрепиться в Египте ни после революции 1952 г., ни после двух сезонов Нубийской экспедиции АН СССР в 1961–1963 гг. Первые регулярные раскопки отечественных специалистов в Египте начались во второй половине 1990-х годов. Сотрудникам этих проектов пришлось многому учиться на собственных ошибках. Премущественности не получилось, но память о русских эмигрантах, внесших свой вклад в изучение древнеегипетской цивилизации, безусловно, следует хранить. Уже хотя бы потому, что она позволяет увереннее стоять на древней египетской земле современным отечественным специалистам, не так тушеваться при сравнении отечественных полевых достижений в Нильской долине с достижениями других национальных школ. Чтобы это продемонстрировать, достаточно вернуться к началу нашего повествования. В 1936 г. бывший царский инженер Александр Флоров, эмигрант в составе экспедиции Райзнера, начал делать план часовни Кахерптаха в Гизе (G 7721)⁸⁸. Вряд ли он мог предполагать тогда, что ровно через 80 лет гробница Кахерптаха окажется на территории российской концессии⁸⁹ и что архитектор уже российской экспедиции закончит начатое им дело. Однако это произошло. Такое совпадение, конечно, вполне случайно, но хочется все же осторожно верить, что подобные пересечения судеб в пространстве древних памятников восстанавливают некоторую историческую справедливость — насколько о такого рода справедливости вообще можно говорить — в отношении непростой судьбы нашей науки в XX в.

Литература / References

- Belgorodskaya, L.V., Tishchenko, E.V., Belgorodskaya, T.A. 2014: Modern American visual image of Russian history. *Journal of Siberian Federal University: Humanities & Social Sciences* 7/11, 1901–1909.
- Bellin, V.V. 2019: [Life of the Russians in Egypt]. In: P.E. Kovalevskiy, *Zarubezhnaya Rossiya [Foreign Russia] 1920–1970*. Nizhny Novgorod, 345–349.
- Беллин, В.В. Жизнь русских в Египте. В кн.: П.Е. Ковалевский, *Зарубежная Россия 1920–1970*. Нижний Новгород, 345–349.
- Belyakov, V.V. 2000: *Priyutita Afrika Zhar-ptitsu [Africa Housed the Firebird]*. Moscow.

⁸⁷ Ср., например: «Мы были рады заполучить опытного археологического иллюстратора, тем более что нам повезло найти такого, который проживает в Египте: бедный старый Восточный институт [Чикагского университета] находит для себя очень обременительным перемещать [каждый раз] людей через Атлантику туда и обратно» (Cameron 2001, 37–38).

⁸⁸ Документ HUMFA_EG022466 в электронном архиве Дж. Райзнера: URL: <http://giza.fas.harvard.edu>; дата обращения: 20.02.2022.

⁸⁹ Российская археологическая экспедиция в Гизе Института востоковедения РАН (директор — Э.Е. Кормышева).

- Беляков, В.В. *Приютила Африка Жар-птицу*. М.
- Belyakov, V.V. 2008: *Russkiy Egipt* [Russian Egypt]. Moscow.
- Беляков, В.В. *Русский Египет*. М.
- Belyakov, V.V. 2009: *I. Ya. Bilibin v Egipte: 1920–1925* [I. Ya. Bilibin in Egypt: 1920–1925]. Moscow.
- Беляков, В.В. *И.Я. Билибин в Египте: 1920–1925*. М.
- Belyakov, V.V. 2018: *Russkaya emigratsiya v Egipte (1920-e – 1980-e gg.)*. *Istoriya. Dokumenty. Nekropol'* [Russian Emigration in Egypt (1920s–1980s). History. Documents. Necropolis]. Saint Petersburg.
- Беляков, В.В. *Русская эмиграция в Египте (1920-е – 1980-е гг.)*. *История. Документы. Некрополь*. СПб.
- Belyakov, V.V. 2019: [G.I. Lukyanov: touches to a portrait]. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN* [Journal of the Institute of Oriental Studies RAS] 3 (9), 163–169.
- Беляков, В.В. Г.И. Лукьянов: штрихи к портрету. *Вестник Института востоковедения РАН* 3 (9), 163–169.
- Breasted, J.H. 1933: *The Oriental Institute*. (The University of Chicago Survey, 12). Chicago.
- Brovarski, E. 1996: Epigraphic and archeological documentation of Old Kingdom tombs and monuments at Giza and Saqqara. In: N. Thomas (ed.), *The American Discovery of Ancient Egypt: Essays*. Los Angeles, 25–43.
- Brovarski, E. 2001: *The Senedjemib Complex*. Pt. 1: *The Mastabas of Senedjemib Inti (G 2370), Khnumenti (G 2374), and Senedjemib Mehi (G 2378)*. (Giza Mastabas, 7). Boston.
- Browman, D.L., Givens, D.R. 1996: Stratigraphic excavation: the first “New Archaeology”. *American Anthropologist: New Series* 98/1, 80–95.
- Browman, D.L., Williams, S. 2013: *Anthropology at Harvard. A Biographical History, 1790–1940*. (Peabody Museum Monographs, 11). Cambridge (MA).
- Cameron, M.B. 2001: *Letters from Egypt and Iraq: 1954*. (Oriental Institute Special Publications, 71). Chicago.
- Daumas, F. 1967: Alexandre Piankoff (1897–1966). *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale* 65, 227–230.
- Davies, N. de G. 1900: *The Mastaba of Ptahhetep and Akhethetep at Saqqareh*. Pt. I: *The Chapel of Ptahhetep and the Hieroglyphics*. London.
- Davies, N. de G. 1901: *The Mastaba of Ptahhetep and Akhethetep at Saqqareh*. Pt. II: *The Mastaba: The Sculptures of Akhethetep*. London.
- Davies, N. de G. 1935: *Paintings from the Tomb of Rekh-mi-Re' at Thebes*. New York.
- Davies, N. de G. 1939: [Rev.] The mastaba of Mereruka, parts I, II, by the Sakkarah expedition. *Journal of Egyptian Archaeology* 25/2, 223–224.
- Duell, P. (ed.) 1938a: *The Mastaba of Mereruka*. Pt. I: *Chambers A 1–10*. (University of Chicago Oriental Institute Publications, 31). Chicago.
- Duell, P. (ed.) 1938b: *The Mastaba of Mereruka*. Pt. II: *Chambers A 11–13, Doorjambs and Inscriptions of Chambers A 1–21, Tomb Chamber, and Exterior*. (University of Chicago Oriental Institute Publications, 39). Chicago.
- Edgell, G.H. 1943: Annual report of the director 1943. *Annual Report (Museum of Fine Arts, Boston)* 68, 11–25.
- Goryachkin, G.V. 2010: *Russkaya Aleksandriya: Sud'by emigratsii v Egipte* [Russian Alexandria: The Fate of the Emigration in Egypt]. Moscow.
- Горячкин, Г.В. *Русская Александрия: Судьбы эмиграции в Египте*. М.
- Gürsan-Salzmann, A. 2007: *Exploring Iran: The Photography of Erich F. Schmidt, 1930–1940*. Philadelphia.
- Kanawati, N., Abder-Razik, M. 2004: *Mereruka and his Family*. Pt. 1: *The Tomb of Meryeti*. (Australian Centre for Egyptology. Reports, 21). Oxford.
- Kanawati, N., Abder-Razik, M. 2008: *Mereruka and his Family*. Pt. 2: *The Tomb of Waatetkhetor*. (Australian Centre for Egyptology. Reports, 26). Oxford.
- Kanawati, N., Woods, A., Shafik, S., Alexakis, E. 2010: *Mereruka and his Family*. Pt. 3/1: *The Tomb of Mereruka*. (Australian Centre for Egyptology: Reports, 29). Oxford.
- Kanawati, N., Woods, A., Shafik, S., Alexakis, E. 2011: *Mereruka and his family*. Pt. 3/2: *The Tomb of Mereruka*. (Australian Centre for Egyptology: Reports, 30). Oxford.
- Lacovara, P. 1981: The Hearst excavations at Deir-el-Ballas: the eighteenth dynasty town. In: W.K. Simpson, W.M. Davies (eds.), *Studies in Ancient Egypt, the Aegean, and the Sudan: Essays in Honor of Dows Dunham*. Boston, 120–124.
- Lacovara, P., D'Auria, S., Elias, J.P. (eds.) 2020: *George Andrew Reisner. Archaeological Fieldwork in Egypt: A Method of Historical Research*. New York.

- Laumois, A. de 1938: *Roger Bréal: un pionnier de l'art français en Egypte*. Le Caire.
- Manuelian, P. der 1990–1991: Boston at Giza: 1902–1990. The Museum of Fine Arts' race against time in the shadow of the pyramids. *KMT: A Modern Journal of Ancient Egypt* 1/4, 10–21.
- Manuelian, P. der, Reisner, G.A. 1992: George Andrew Reisner on archaeological photography. *Journal of the American Research Center in Egypt* 29, 1–34.
- Mousavi, A. 2012: *Persepolis: Discovery and Afterlife of a World Wonder*. Boston–Berlin.
- Nims, Ch.F. 1963/1964: The epigraphic survey. *Oriental Institute Annual Report for 1963–1964*, 8.
- Nims, Ch.F. 1964/1965: The epigraphic survey. *Oriental Institute Annual Report for 1964–1965*, 21–22.
- Nims, Ch.F. 1970/1971: The epigraphic survey. *Oriental Institute Annual Report for 1970–1971*, 6–8.
- Oriental Institute Epigraphic Survey 1954: *Reliefs and Inscriptions at Karnak*. Vol. III. *The Bubastite Portal*. (University of Chicago Oriental Institute Publications, 74). Chicago.
- Oriental Institute Epigraphic Survey 1957: *Medinet Habu*. Vol. V: *The Temple Proper*. Pt. 1: *The Portico, the Treasury, and Chapels Adjoining the First Hypostyle Hall with Marginal Material from the Forecourts*. (University of Chicago Oriental Institute Publications, 83). Chicago.
- Oriental Institute Epigraphic Survey 1963: *Medinet Habu*. Vol. VI: *The Temple Proper*. Pt. 2: *The Re Chapel, the Royal Mortuary Complex, and Adjacent Rooms with Miscellaneous Material from the Pylons, the Forecourts, and the First Hypostyle Hall*. (University of Chicago Oriental Institute Publications, 84). Chicago.
- Oriental Institute Epigraphic Survey 1964: *Medinet Habu*. Vol. VII: *The Temple Proper*. Pt. III: *The Third Hypostyle Hall and All Rooms Accessible from It with Friezes of Scenes from the Roof Terraces and Exterior Walls of the Temple*. (University of Chicago Oriental Institute Publications, 93). Chicago.
- Oriental Institute Epigraphic Survey 1970: *Medinet Habu*. Vol. VIII: *The Eastern High Gate with Translation of Texts*. (University of Chicago Oriental Institute Publications, 94). Chicago.
- Oriental Institute Epigraphic Survey 1981: *Temple of Khonsu*. Vol. 2: *Scenes and Inscriptions in the Court and the First Hypostyle Hall with Translations of Texts and Glossary for Volumes 1 and 2*. (University of Chicago Oriental Institute Publications, 103). Chicago.
- Orton, C., Tyers, P., Vince, A. 1993: *Pottery in Archaeology*. Cambridge.
- Reisner, G.A. 1942: *A History of the Giza Necropolis*. Vol. I. London–Cambridge (MA).
- Roth, A.M. 1995: *A Cemetery of Palace Attendants Including G 2084–2099, G 2230+2231, and G 2240*. (Giza Mastabas, 6). Boston.
- Shchennikov, V.F. 1994: [Egypt. Grateful memory about Russians]. *Aziya i Afrika segodnya [Asia and Africa Today]* 4, 58–60.
- Щенников, В.Ф. Египет. Благодарная память о русских. *Азия и Африка сегодня* 4, 58–60.
- Smith, W.S. 1939: [Rev.] The mastaba of Mereruka, by the Sakkarah expedition, under the field directorship Prentice Duell: the University of Chicago Oriental Institute publications, Vol. XXXI. *American Journal of Archaeology* 43/2, 348–350.
- Thiers, Ch. 2020: The so-called Karnak method. In: V. Davies, D. Laboury (eds.), *The Oxford Handbook of Egyptian Epigraphy and Palaeography*. Oxford, 316–328.
- Tomashevich, O.V. 1998: [Note on Vladimir Vikentiev (on materials of the Archive of the A.S. Pushkin SMFA)]. In: O.I. Pavlova (ed.), *Drevniy Egipt. Yazyk – kul'tura – soznanie. Po materialam egiptologicheskoy konferentsii 12–13 marta 1998 g. [Ancient Egypt. Language – Culture – Perception. Materials of the Egyptological Conference 12–13 March 1998]*. Moscow, 255–285.
- Томашевич, О.В. Слово о Владимире Викентьеве (по материалам Архива ГМИИ им. А.С. Пушкина). В сб.: О.И. Павлова (ред.), *Древний Египет. Язык – культура – сознание. По материалам египтологической конференции 12–13 марта 1998 г.* М., 255–285.
- Vértes, K. 2014: *Digital Epigraphy*. Chicago.
- Volkoff, O.V. 1967: *Comment on visitait la vallée du Nil: les « Guides » de l'Egypte*. Le Caire.
- Volkoff, O.V. 1970: *A la recherche de manuscrits en Egypte*. Le Caire.
- Volkoff, O.V. 1972: *Voyageurs russes en Egypte*. Le Caire.
- Weeks, K.R. 1995: *Mastabas of Cemetery G 6000, Including G 6010 (Neferbauptah), G6020 (Iymery), G 6030 (Ity), G 6040 (Shepseskafankh)*. (Giza Mastabas, 5). Boston.
- Weeks, K.R. 2008: Archaeology and Egyptology. In: R.H. Wilkinson (ed.), *Egyptology Today*. Cambridge–New York, 7–22.
- Wilson, J.A. 1964: *Signs and Wonders upon Pharaoh: A History of American Egyptology*. Chicago–London.
- Wilson, J.A. 1972: *Thousands of Years: An Archaeologist's Search for Ancient Egypt*. New York.